

Иван Фролов В. В.

лит. газета 1977, 10 авг. № 32

НЕ ТАК давно по нашим экранам прошел фильм, где все начиналось апофеозом разделенной любви.

Два юных, безоблачно счастливых существа посреди сочной зелени, под чистым летним небом справляли любовный праздник, перемежая долгие и очень обстоятельные поцелуи резвыми пробежками, то увертываясь от протянутых рук, от ищущих губ, то порываясь им навстречу. Эпизод был выдержан в боевом, напористом темпе, но казалось: он никогда не кончится.

Я, как зритель, конечно, понимал: мое дело сидеть и эмоционально «заражаться», сопереживать влюбленной паре, но, понимая, оставался невозмутим, потому что бы, что ценю вежливое с собой обхождение. А постановщик буквально брал меня за грудки: «Вот оно, половое чувство. Проникайся!» — не потрудившись прежде растолковать, кто эти двое, что носят друг за дружкой по лугам и взгоркам, и понуждая меня сопереживать неведомо кому.

Подобное же чувство мне пришлось испытать и при чтении новой повести Владимира Тендрякова «Затмение» (журнал «Дружба народов», № 5, 1977).

Ее центральный герой, он же повествователь, первым долгом рекомендует нам свою избранницу, студентку педагогического института Майю. У нее «сумрачные до суровости брови. Лицо же нежно смуглое, неспокойное, молящее... в глазах тревожное неутраченное (?) тление». И еще — о лице: «непроходящее светосно».

В таком же ключе звучат и заклинания повествователя: «Да станет вечен твой светлый дух! Да будет жить он и в поколениях после нас! Единственная среди людей — Жизнь дающая!»

Что же выходит? Я, читатель, пробую разглядеть реальные черты героини, а вижу сияние ее готовой репутации и с недоумением слежу за беспокойным повествователем, который не столько излагает дело, сколько горючит.

Возникает даже подозрение, что все это в нужный момент объяснится и автор исподволь накапливает «улики» против героя, шаржируя его напыщенную речь и неумеренную экзальтацию.

Но нет: герой-повествователь — человек благородных помыслов, примерных поступков и развенчанию отнюдь не подлежит.

Остается допустить, что уникальность Майи, подтвержденная и косвенными показаниями (даже при случайном взгляде на нее «у встречных менялись лица»), в самом деле способна вызвать все эти восторги и словесную неумеренность. Итак, допустим и, усмирив свое противодействие форсированному тону

рассказчика, попробуем понять его в главном.

Вот самый общий вид происходящего... Есть он, герой — повествователь, молодой многообещающий ученый-биолог Павел Крохалев; есть она, уже рекомендованная читателю Майя. Он готов упорно и ровно продвигаться по избранному пути, почитая всякое даяние судьбы благом. Ей покой и размеренность противопоказаны. От своего Ромео — Павла Крохалева — она ждет хотя бы портативной, но трагедии.

Он же ей дарит любовь, поклонение, семейный уют, поездки по пушкинским местам, щедрый набор жизненных благ и удобств, притом с утешительным прогнозом на завтра и на послезавтра. А Майя в ответ на мужнюю заботу и на прогнозы: «Дышать трудно возле тебя, скуш-но-о! Скуш-но-о! Пропадаю!»

Наша литература не раз исследовала характеры, которым одна лишь буря, стихия схватки близки и соприродны. Ольга Зотова, Макар Нагульнов, Дмитрий Вёкшин, выйдя из пекла революционных битв, перестав чувствовать в крови огонь атаки, зябнут на мирных ветрах, сбиваются с шага, душой тянутся назад, в уже отгремевший день. Выковав для своих чрезвычайных нужд и «задействовав» эти огнестойкие и огнелюбивые натуры, история движется дальше, оставляя их в своем «тылу».

Конечно, Зотова, Вёкшин и другие если и находятся в психологическом плену, то у собственного горячего опыта. А героиня В. Тендрякова, не знавшая никаких потрясений, плавно перешла из-под родительской опеки под опеку нежного супруга. Но разве исключена ее тоска по горячему опыту? Исключено брожение в ней тех сил, для которых плавность, привычная размеренность будней стеснительны?

Подобного рода вопросы и мотивы в нашем сегодняшнем искусстве не новость (вспомним неумные натуры шукинских «балашов», для которых любая регламентация — нож острый, вспомним эксцентричную Елизавету Уварову — героиню фильма Г. Панфилова «Прошу слова...»), и предмет раздумий В. Тендрякова достаточно серьезен. Только на серьезном здесь не так-то просто сосредоточиться, хотя бы потому, что молодая чета Крохалевых упорно сбивает нас с толку.

Ей с ним «скуш-но-о»? Что-то не верится. И на людях, и наедине друг с другом они буквально рта не закрывают. Пушкин, Сумароков, «Неизвестная» Крамского (переименованная супругами в «Незнакомку»), Иероним Босх, Сервантес, Пикассо... О чем только не идут у них дебаты! И всякое суждение произносится

парадно, зычно, с замахом на афористичность. То же при выяснении чувств, сердечных чаяний и т. п. — взвинченная патетика (улыбка у этой пары вообще не в чести), громоздкое красноречие и восклицательность.

Она: «Вер-рю-ю! Вер-рю-ю! Мне выпало счастье поджигать тебя, тебе — взрываться!» Он: «...что-нибудь торжественно-молитвенное (образчики приводились). На редкость слаженный дуэт! Тем не менее — «Скуш-но-о! Пропадаю!» Мир в доме нарушен. Майя уходит к другому — ловцу заблудших и страждущих душ, сектанту-проповеднику Гоше Чугунову.

Сам по себе мотив опять же серьезный, притом уже

и вокруг сцены с родителями то же царство рассудительности, где всякое объявленное чувство многоглагольно и, едва определившись, спешит улечься в формулу: где нет места красноречию паузы из-за обилия красноречивых деклараций; где не ощутимы скрытые токи жизни, ибо прямое, явленное слово посягает выразить всю полноту предмета, сердечного движения, мысли; где, наконец, чрезмерен всеобщий пиетет перед силлогизмом и «умные» речи сильно отдают схоластикой. В таком контексте становится малопонятным, почему велеречивому атеисту Павлу героиня предпочла болтуна-святошу. Один другого стоит.

ной круговой экзекуцией, по ходу которой ребята наносили и принимали моральные удары, будто повинность отбывали, не отвлекаясь, не испытывая охоты расслабиться, «сменить пластинку», позабыв о возрастной беспечности... «Ролевое» задание нашло в них чрезмерно дисциплинированных исполнителей. И, несмотря на острую «концептуальность» повести, она не слишком располагала (говорю о своем восприятии) к единомыслию с автором.

Примерно та же картина в «Затмении»: участник действия психологически мобилизован и влеком вперед заданной «страстью», умственным заскоком, которые в свернутом виде хранят его дальнейшую

2

МНЕНИЯ

0

ПОВЕСТИ

Вл. ТЕНДРЯКОВА

«ЗАТМЕНИЕ»

Виктор КАМЯНОВ

СТРАСТИ

НА ПОКАЗ?

встречавшийся у В. Тендрякова (читатель хорошо помнит и «Чудотворную», и «Апостольскую командировку»), — мотив «затмения» духа и воли человека, признавшего себя «рабом божьим», а религиозный догмат — верховной истиной. Только подходит ли героине новая ее роль?..

Сложилось на один из ключевых эпизодов повести, где Майины родители пробуют образумить дочь, по крайней мере как-то уяснить логику ее поступков. «Не пойму, не пойму!» — потерянно восклицает Майин отец. И в ответ слышит: «Папа, а давно ли ты сам благословил меня на такое же?» Отец в полном недоумении: «Я?» Читатель тоже. Но дочка знала, что спрашивала, и вопреки напряжению момента, методично, пункт за пунктом доводит свою мысль до ясности. Экономя место, изложим эти «пункты» тезисно. 1. Когда я выходила за Павла, то вас, папа-мама, любила больше его. 2. «Любила вас больше его, а ушла-то к нему!». 3. И вы не перечили. 4. «Вот и сейчас я ушла в другую жизнь... Вы радоваться должны!»

Так в лучших традициях судебного, «аблакатского» крючкотворства папе-маме доказано, что их печаль и переживания — от непривычки грамотно мыслить. Не губительна ли, однако, подобная сцена для репутации героини как натуры мятежной, стесненной ровным движением будней, безоглядной в стихийных порывах? Учтем при этом, что

В обширном мире мотивов и образов В. Тендрякова городские герои «Затмения», пожалуй, особенно далеко отстоят от персонажей «деревенских», таких, как Стеша и Федор («Не ко двору»), Семен Тетерин («Суд»), Настя Сыроегина («Поденка — век короткий») или работяги-сплавщики из превосходной повести «Тройка, семерка, туз».

Люди «простого» труда у В. Тендрякова словно и знать не знают, что стали объектом художества. Психологически они неотрывны от самодвижения жизни, от социального, бытового уклада, к которому принадлежат: планируют очередной шаг не по умственному капризу или сердечной причуде, а как велит дело, ближняя или отдаленная надобность, храня в поступках своих и душевных движениях отчетливый рисунок обстоятельств, не позволяющих медлить с откликом.

«Городским» же персонажам В. Тендрякова, напротив, часто не хватает живого «теплообмена» со средой, и они парят в сфере отвлеченностей, формально-логических выкладок, декоративно-торжественных фраз. Место недовоспитанной органики городского мира заступают «модели», синтетика чувств и отношений.

Не так ли именно было в недавней повести «Ночь после выпуска», где полусерьезный — полущутливый уговор вчерашних одноклассников — всем разобирать каждого: кто он и чего стоит — обернулся тягост-

судьбу. Коррективы извне минимальны, если, конечно, не считать болезненного столкновения с чужой «целевой» установкой.

Окрестный мир свое дело сделал — сообщил беспокойному духу нужное ускорение и расступился, дав простор саморазвитию «страстей». И при всех попытках автора ввести в сюжет добавочные «осложнения» возник заметный разрыв между динамикой живых, меняющихся обстоятельств и «драмой чувств», помещенной в центр сюжета.

В системе сегодняшних многосложных отношений героям «Затмения» выпала странная роль «вольнопределяющихся», состоящих главным образом друг при друге и при собственных эмоциях. Эмоции, попав в тесную колыб, затребовали искусственного питания и подогрева. Началось взвинчивание тона, нагнетание той самой холодной «горячности», которая — с экрана ли, со страниц ли книги — весьма точно сигнализировала, что дело у автора не заладилось, ибо выношенному слову никакие допинги и подпорки не нужны.

Между пафосом исследования и чисто «голосовым» напором, то есть пафосом как явлением громкости, а не смысла, мир и согласие исключены. Там, где просторно последнему, первый навверняка урезан в правах. Читая новую повесть В. Тендрякова, получаешь печальное подтверждение этой несложной зависимости.